

Анастасия Понамарева

МУСУЛЬМАНЕ ЕВРОПЫ: ПРОГРЕССИРУЮЩИЙ ФАКТОР СТРАХА

В свое время страны Европы предприняли попытку решить проблему нехватки рабочих рук, возникшую после Второй мировой войны, за счет привлечения мигрантов преимущественно из невоинвазивных стран и собственных колоний. Таким образом Великобритания стала прибежищем выходцев из Индии и Пакистана; во Франции значительно увеличилось представительство алжирцев и марокканцев; Германия пополнилась мигрантами из Турции, с которой страну связывали союзнические отношения в период Первой мировой войны¹ и нейтрально-доброжелательные практически до конца Второй мировой.

При наличии политического решения прибегнуть к иностранной рабочей силе последовательная политика *интеграции* мигрантов в принимающее сообщество на условиях усвоения его основополагающих норм и ценностей отсутствовала. Переселенческая политика как комплекс взаимосвязанных мер в европейских странах не проводилась, и *официально* они не считались странами иммиграции. Не случайно в их законодательствах понятие «иммигрант» заменялось понятием «иностранец».

Расчет властей на временный² характер въезда *гастарбайтеров* себя не оправдал. Из 20 млн рекрутированных иностранцев домой вернулась только половина. «Мы хотели рабочих, а получили людей», – охарактеризовал итоги миграционной политики 1960-х гг. швейцарский писатель Макс Фриш³. После нефтяного кризиса 1973 г., приведшего к резкому сокращению числа рабочих мест, миграция из решения вопроса нехватки рабочих рук превратилась в проблему. Необдуманные действия властей, попытки урегулировать ситуацию в духе *держать и не пущать* дали обратный эффект. Из опасения навсегда потерять возможность вернуться на территории Европы остались *временные* трудовые мигранты преимущественно из мусульманских стран Азии и Африки. С воссоединением семей мигрантов начался процесс формирования анклавов компактного проживания мусульманских общин в Европе. Нет ни одной европейской страны, где бы не действовали или не объединились исламские организации. К настоящему времени, основываясь на одних только количественных показателях (см. *Таблицу 1*), мы можем смело утверждать, что ислам стал составной частью европейского культурного ландшафта.

Однако в свете терактов в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне, волнений из-за борьбы с хиджабами во Франции, погромов там же осенью 2005 г. и нарастающей *исламофобии* возникает вопрос, что несут Европе дети и внуки мусульман, составивших большую часть потока трудовых мигрантов 60-х гг. XX в.?

Таблица 1. Количество мусульман в Европе⁴

Страна	Общее население	Мусульмане	Процент мусульман по отношению к общему населению
Австрия	8 102 600	300 000	3,7
Бельгия	10 192 240	370 000	3,6
Великобритания	55 000 000	1 406 000	2,6
Германия	82 000 000	3 040 000	3,7
Греция	10 000 000	370 000	3,7
Дания	5 330 020	150 000	2,8
Испания	40 202 160	300 000–400 000	0,7–1
Италия	56 778 031	700 000	1,2
Нидерланды	15 760 225	695 600	4,4
Португалия	9 853 000	30 000–38 000	0,3–0,4
Франция	56 000 000	4 000 000–5 000 000	7,1–8,9
Швеция	8 876 611	250 000–300 000	2,8

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ – ТРИ МЕНТАЛИТЕТА

Вплоть до последнего десятилетия политика европейских стран в отношении мусульманских общин ограничивалась признанием ислама на конституционном уровне и обеспечением условий финансовой и политической независимости их членов. Подобное решение проблемы социокультурной адаптации иноэтничного населения с позиции *laisser faire* обернулось сознательной сегрегацией мусульман Европы. Более того, в процессе своего количественного роста мусульманские общины перешли от стратегии пассивной автаркии к автаркии активной. На современном этапе представляется возможным говорить о трех поколениях мусульман Европы, и лишь старшее демонстрирует достаточную лояльность по отношению к принимающей стороне.

К первому поколению относятся экономические мигранты, прибывшие в 60-е гг. XX в. на волне деколонизации. На сегодняшний день их возраст составляет около 60 лет. Полностью пройдя U-образную кривую адаптации⁵, они благополучно преодолели первые симптомы культурного шока в силу того, что сам переезд в другую страну воспринимался ими как способ изменения собственного статуса к лучшему. Показательно, что волнения осени 2005 г. в пригородах Парижа не перекинулись на такие страны *новой* иммиграции, как Испания или Италия. Проживающие на их территории молодые выходцы из Марокко не предприняли никаких активных действий в связи с французскими событиями во многом благодаря тому, что являются относительно *новой* иммигрантской группой и как первое поколение иммиграции не претендуют на те блага, которые европейские государства предоставляют своим *коренным* жителям.

Второе поколение мусульман Европы составляют дети первых трудовых мигрантов, прибывшие в малолетнем возрасте или даже родившиеся и выросшие в европейских странах. Им сегодня порядка 30–40 лет. Если родители были благодарны принимающей стороне за один только допуск в западное общество потребления, их дети видели всю ограниченность своих возможностей в рамках данного социума в сравнении с западными сверстниками.

К третьему поколению принадлежат внуки первых иммигрантов, рожденные, выросшие и получившие образование в Европе, являющиеся гражданами европейских государств. Пройдя европейские образовательные учреждения, ежедневно подвергаясь

воздействию европейских СМИ, они должны были бы проникнуться духом секулярной христианско-иудейской цивилизации Запада. Однако исследования констатируют обратное: склонность к радикальному экстремизму, обостренное восприятие принадлежности к умме⁶.

Несмотря на все усилия таких институтов социализации, как школа, средства массовой информации и т.д., говорить о совпадении культурного кода у представителей западного общества и мусульманских общин очевидно преждевременно. При этом ожидания второго и третьего поколения иммигрантов значительно превышают их реальные возможности самореализации, что обуславливает общую агрессивность *молодых* мусульман и препятствует их полноценной интеграции. Растущую радикализацию приверженцев ислама в возрасте 16–24 лет – по сравнению с их родителями – выявило исследование, проведенное аналитическим агентством *Populus* по заказу общественной организации *Policy Exchange*, близкой к Консервативной партии Британии. Почти треть из 320 тыс. молодых мусульман считает необходимым введение на Британских островах законов шариата. Подобных взглядов в возрастной группе после 55 лет придерживаются около 17%. При этом 84% респондентов заявили, что с ними в Великобритании *обращаются сносно*. Мусульманин, перешедший в другую религию, должен *караться смертью*, заявили 36% опрошенных молодых людей. Мусульман старшего возраста, разделяющих столь радикальные взгляды, существенно меньше – 19%. Наиболее наглядно различие во взглядах детей и родителей проявилось, по мнению авторов доклада, в отношении к хиджабу. 74% молодых приверженцев ислама считают предпочтительным ношение женщинами хиджаба. Среди представителей старшего поколения такой точки зрения придерживаются 28%. 13% мусульманской молодежи заявили, что восхищаются такими организациями, как *Аль-Каида*, – по сравнению с 3% в возрастной группе старше 55 лет. 58% всех опрошенных считают, что многие мировые проблемы являются результатом «наглой западной политики». При этом осведомленность респондентов о происходящем в мире оставляет желать лучшего: лишь один из пяти знает, что Махмуд Аббас является президентом Палестинской автономии. Результаты опроса 1003 представителей мусульманской общины позволили исследователям констатировать «наличие конфликта в британском исламе – между умеренным большинством, которое приемлет нормы западной демократии, и растущим меньшинством с противоположными воззрениями»⁷.

Внутреннее расслоение мусульманских общин по возрастным и этническим показателям не позволяет свести сложившуюся на современном этапе ситуацию к примитивной формуле **мусульмане Европы = насилие + отказ от интеграции**. В глазах *коренного* населения все они, вне зависимости от страны этногенеза, воспринимаются как *мусульмане вообще*. И действительно, в качестве иммигрантов представители афро-азиатских общин образуют квазиэтническую группу, стержнем которой является ислам. Но в рамках диаспоры этническая и земляческая принадлежность оказывается более значимой, нежели конфессиональная. Исследование мусульманских общин с точки зрения потенциала к интеграции требует анализа истории и современного политического контекста взаимодействия каждой общины с принимающим сообществом, с тем пониманием, что *единый мир ислама*, как и *единая Европа*, есть не более чем фигуры речи. Как отметил член верхней палаты парламента Египта (Шуры), старший руководитель политического секретариата правящей Национальной демократической партии Мохаммед Камал в интервью газете *International Herald Tribune*: «Вы не можете говорить о едином мусульманском мире – в силу различий в доходах, уровнях развития. Вы не можете даже сказать, что мусульманский мир в целом находится на задворках цивилизации, эксплуатируется или отстает в развитии»⁸.

МУСУЛЬМАНЕ ЕВРОПЫ – НАЙДИТЕ ДЕСЯТЬ ОТЛИЧИЙ...

Бельгия

Первым европейским государством, признавшим ислам в качестве одной из официальных религий, стало Королевство Бельгии (1974 г.). В двух шагах от здания Совета Европы был построен Исламский центр, в стенах которого функционирует мусульманская школа, финансируемая Министерством просвещения. Преподавание основ ислама внесено в школьную программу для мусульман, обучающихся в государственных учебных заведениях. Тем не менее имамы, в отличие от священнослужителей других признанных религиозных конфессий, до сих пор не могут рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства. В январе 2005 г. власти Фландрии издали распоряжение, в соответствии с которым право на общественное финансирование имеют лишь те мечети, чья деятельность отвечает целому ряду критериев, включая обязательное использование голландского языка вне рамок службы, терпимость к женщинам и гомосексуалистам, отсутствие призывов к экстремизму.

Несмотря на то что в Бельгии действует более 350 мечетей, в институтах гражданского общества мусульмане практически не представлены, они также не имеют собственных правозащитных организаций. Первые выборы в представительный орган – Высший совет мусульман Бельгии состоялись лишь в декабре 1998 г. В последнее десятилетие определенный прогресс был достигнут в области политического представительства мусульман: по итогам выборов 2003 г. шестеро вошли в состав национального парламента, один присоединился к Европейскому парламенту. Они присутствуют во всех министерствах, муниципалитетах и законодательных собраниях страны. Однако считать данных представителей исламского мира выразителями общего мнения мусульман Бельгии нельзя в силу разобщенности последних. «Баунти – черные снаружи, белые внутри»⁹ – так радикально настроенные адепты ислама отзываются о своих более успешных и умеренных в политическом плане собратьях.

Подавляющее большинство мусульман Бельгии – марокканского или турецкого происхождения. Стране принадлежит сомнительный рекорд по наибольшему количеству новообращенных мусульман среди всех государств Европы. В 2006 г. после того, как этническая бельгийка Мэриал Дикук, принявшая ислам, стала первой представительницей Старого Континента, совершившей акт самопожертвования в Ираке, подорвав несколько американских военнослужащих, проблема противодействия исламистской пропаганде вошла в список наиболее актуальных тем бельгийских СМИ¹⁰.

Наличие нескольких официальных языков, недопущение расселения мусульман по принципу *гетто* с образованием закрытых кварталов способствуют интеграции мусульманских общин в бельгийское общество. Тем не менее общий уровень нетерпимости к иноэтничному населению остается достаточно высоким. По данным бельгийского неправительственного Центра предоставления равных возможностей и борьбы против расизма, за 2003 г. к ним поступило более 2,5 тыс. жалоб на случаи расовой дискриминации. Отметим также, что в практическом регулировании вопросов гражданства законодательство Бельгии ориентируется на право крови – *jus sanguinis*, согласно которому основанием для предоставления гражданства служит происхождение.

Германия

Одной из наиболее замкнутых в Европе считается турецкая община Германии. Частично это объясняется историческими причинами: Турция никогда не принадлежала к числу германских колоний, а потому большинство турецких иммигрантов не могут похвастаться хорошим знанием языка принимающей стороны, что, в свою очередь, снижает вероятность их успешной интеграции.

Принимая иммигрантов в годы послевоенного бума, власти Германии рассматривали их как временных рабочих и высказывали твердое намерение производить замену *гастарбайтеров* каждые шесть лет. От дорогостоящей идеи *ротации кадров* руководству страны пришлось отказаться, *гостевым рабочим* было разрешено привозить за собой свои семьи. Однако вплоть до последнего времени официальные отношения с мигрантами строились в соответствии с тезисом, выдвинутым канцлером Гельмутом Колем: «Германия никого не интегрирует»¹¹.

Подобное равнодушие со стороны государства привело к тому, что в решении проблем изучения языка, поиска стабильного заработка, приспособления к чужой культуре и т.д., выходцы из Турции начали действовать сообща, образуя иммигрантские ассоциации, преимущественно на религиозной основе. Организации, подобные сообществу «Милли Герюш», служат не только адаптации, но также консолидации турецкой общины и лоббированию интересов Турции в отношениях с ЕС, в частности, в области ее притязаний на членство в Евросоюзе.

Деятельность такого рода ассоциаций нельзя оценить однозначно. С одной стороны, они способствуют более активному вовлечению мусульман в общественную жизнь, повышению образовательного и экономического уровней, то есть содействуют интеграции. С другой, навязывают своим членам некую *промежуточную идентичность* немецко-турка, представителя организации, построенной по этническому принципу.

1 января 2000 г. по настоянию канцлера Герхарда Шредера в Германии вступил в силу новый кодекс национальности. С этого времени она может определяться также правом почвы – *jus soli* – по месту рождения. Получить общеевропейский паспорт можно, сдав экзамен на знание немецкого языка и отказавшись от прежнего гражданства. Но к этому готовы далеко не все. В турецкой прессе одновременно ведется кампания за вступление Турции в ЕС – и против замены турецких паспортов на европейские. Парадоксально, но по последнему вопросу радикалы с обеих сторон выступают единым фронтом. Исламисты – обвиняя своих единоверцев в отступлении от Корана. Неонацисты – пытаются защитить *Дойчланд* от *исламизации*.

Франция

Иные проблемы связаны с алжирской общиной Франции. Среди западноевропейских стран Франция наиболее тесно связана с миром ислама. В 732 г. Карл Мартел сумел остановить продвижение арабов под Пуатье, что не предотвратило расселение мавров вдоль средиземноморского побережья в течение VIII–IX вв. В XI–XIII вв. Франция стояла на главе крестовых походов европейских монархов, а с XV по XVIII столетие с переменным успехом вела борьбу за контроль над Средиземноморьем. Затем последовали: египетский поход Наполеона Бонапарта (1798 г.), захват Алжира (1830 г.), установление протектората над Тунисом (1883 г.), над Марокко (1912 г.) и окончательная колонизация Северной Африки. Накануне Первой мировой войны во Франции проживало около 30 тыс. североафриканцев. Война привела к массовому использованию африканских мусульман на фронте и в тылу (свыше 300 тыс. человек). Вырванные из привычной социокультурной среды, мусульманские иммигранты не отличались строгим соблюдением собственных религиозных обычаев. Достаточно отметить, что первые молельные помещения для мусульман открывались по инициативе нанимателей-хозяев – для поддержания должного *нравственного климата* на предприятиях. В 1917 г. правительство приняло постановление, запрещающее продажу спиртных напитков *колонияльным рабочим*, а в 1918 г. владельцам питейных заведений и вовсе запретили обслуживать выходцев из Северной Африки. Для спасения морали и нравственности в страну были приглашены имамы и талаба (духовные наставники) различных суфийских братств, в железнодорожных депо и в больницах появились мусульманские молельные помещения; были созданы первые крупные мусульманские кладбища. После Второй мировой войны реконструкция и промышленный рост способствовали трудовой иммиграции мусульман. Мусульманское население метрополии пополнялось преимущественно за счет алжир-

ских иммигрантов. Завоевание Алжиром независимости не отразилось на трудовой миграции алжирцев в бывшую метрополию: Эвианские соглашения 1962 г. гарантировали свободное передвижение граждан между Францией и Алжиром¹². События политической истории Алжира явились причиной формирования холодно-равнодушного отношения мигрантов к своей стране, а потому степень их участия в различного рода ассоциациях значительно ниже, чем у выходцев из Турции.

Исламизации Франции способствовало ее либеральное законодательство: до 1993 г. дети иммигрантов, рожденные во Франции, могли автоматически претендовать на гражданство. В 1993 г. закон был ужесточен. Именно на примере этой наиболее мусульманской страны Европы особенно ярко проявляется высокая степень влияния внешнеполитического контекста на ход адаптации мигрантов. Начиная с 70-х гг. XX в., в развитии мусульманских общин Франции можно выделить шесть этапов, совпадающих с изменением климата на международной арене.

Первый этап охватывает период с начала и до середины 1970-х гг., когда исламские объединения совершали только первые свои шаги. Проживающие в стране мусульмане не проявляли стремления к религиозному самоутверждению. *Экономические* мигранты – в силу того, что осознавали временность своего пребывания в стране; *французско-мусульмане* – поскольку видели в отказе от исламской идентичности залог успешной интеграции в принимающее общество. На внешнеполитической арене также не происходило заметных событий: *политический ислам* еще не вступил в стадию подъема, а в странах Востока социальный протест находил выражение в марксизме и светском национализме.

Второй этап начинается с экономического кризиса 1973 г. Последовавший за ним спад производства вынудил правительство принять решение о прекращении ввоза иностранной рабочей силы во Францию. Намерение властей остановить поток экономической иммиграции привело к обратному результату: численность мигрантов (в том числе мусульман) возросла примерно в полтора раза. Опасаясь навсегда потерять возможность вернуться, в стране остались находившиеся там временные работники. Это породило проблему воссоединения иммигрантов со своими семьями. Отказ французского правительства предоставить им такую возможность вызвал протест со стороны ряда влиятельных организаций, и в 1976 г. власти были вынуждены пойти на уступки. Во второй половине 1970-х гг. воссоединение семей мигрантов обрело массовый характер, а ощущение принадлежности к исламу стало для мигрантов более важным, нежели осознание *исходной* национальной принадлежности, социального статуса и т.д. Повышение интереса к исламской религиозной практике выразилось в стихийном оборудовании молельных помещений в общежитиях, на предприятиях (в частности, на автозаводах *Renault*), а затем и в пригородных рабочих кварталах. При этом администрация нередко оказывала содействие мусульманским активистам, видя в исламе противовес влиянию на рабочих левой агитации.

На рубеже 1970–1980-х гг. – *третий этап* – мусульманский вопрос становится внутренним делом Европы. По итогам Исламской революции 1979 г. в Иране мусульмане Европы попали под *облучение* радикального исламизма как в его суннитском варианте (*Братия-мусульмане* и близкие к ним группы), так и в форме хомейнистского революционаризма. В 1982 г. среди обучающихся в Париже иранских, иракских и ливанских студентов-шиитов возникли два соперничающих течения: одни утверждали общеисламский характер иранской революции, другие воспевали ее как сугубо шиитскую. Группы концентрировались вокруг Иранского культурного центра на улице Жан-Барт, коллективные моления заканчивались жестокими драками между сторонниками и противниками режима Хомейни. Внешнеполитический фон – война в Ливане, захват заложников среди французских граждан – также способствовали формированию негативного стереотипа восприятия ислама как угрозы существованию французского общества. В данном контексте резко возросла популярность правых партий.

Четвертый этап – 1980-е гг. – может быть назван периодом прогрессирующего *офранцуживания* ислама. О себе как о мусульманах все чаще заявляли потомки *харки* и *беры* – родившиеся во Франции дети магрибских иммигрантов, многим из которых *возврат к исламу* компенсировал неспособность интегрироваться во французское общество. Благодаря проповедям *Джамаат ат-таблиг* по меньшей мере 30 тыс. коренных французов приняли ислам. Сочетая приверженность мусульманской религии с высокой социальной активностью, они, в отличие от иммигрантов, не имеющих французского гражданства, располагали большими возможностями лоббирования собственных религиозных интересов, в том числе за счет создания избирательных блоков.

В конце 1980-х гг. – *пятый этап* – произошло превращение ислама во *вторую* религию Франции. В стране была сформирована развитая *исламская инфраструктура* в виде мечетей, религиозных ассоциаций, исламских мясных лавок и книжных магазинов, мусульманских кладбищ и т.п. Одновременно среди французских мусульман произошел всплеск исламского фундаментализма, спровоцированный военным переворотом в Алжире и запретом *Фронта исламского спасения*. Перед Францией остро встал вопрос о статусе ислама в государстве, приверженном традициям секуляризма. СМИ бурно обсуждали *дело о платке* (инцидент с недопущением к занятиям двух учениц государственной школы, пришедших на уроки в мусульманских платках) и издание аятоллой Хомейни известной фетвы против британского писателя Салмана Рушди, автора нашумевшей книги «Сатанинские стихи»¹³.

С середины 1990-х гг. начинается современный *шестой этап*, связанный с возрастанием проявлений религиозного экстремизма. В 1994–1996 гг. во Франции произошел ряд терактов, организованных исламскими радикалами. Возросла враждебность французского общественного мнения по отношению к исламу. Стремясь снизить накал страстей, ректор мечети на площади Сталинград в Париже Ларби Кешат в феврале 1997 г. обратился к мусульманам и французам с призывом к взаимопониманию, но это привело только к бомбистской атаке его храма.

Как отмечает известный французский исламовед Оливье Руа, социологический портрет исполнителей подобных терактов однотипен. Террористы – потомки мусульманских иммигрантов во втором поколении, выросшие в неблагополучных районах, франкоговорящие, получившие слабое религиозное образование, окончившие школу, но не сделавшие профессиональной карьеры. Этническое происхождение для них менее значимо, нежели ощущение собственной социальной маргинальности. *Вернувшись к исламу*, они не имеют опыта религиозной практики и сколько-нибудь серьезных познаний в области религии. Соответственно, популярное утверждение об изначальной агрессии, заложенной в ислам, представляется, по меньшей мере, сомнительным. На террористические акты идут отнюдь не практикующие прихожане.

На современном этапе разрозненные общины мусульман Франции концентрируются вокруг следующих организаций: *Соборной парижской мечети*, *Национальной Федерации мусульман Франции*, *Федерации исламских организаций*, центра связей *Ислам – Запад*, отделения *Мирового исламского единства*, отделения *Исламской помощи*, *Союза исламских организаций Франции*.

История первых трех из вышеприведенного списка иллюстрирует три наиболее популярных варианта диалога Европы с *внутренним* исламом.

Соборная парижская мечеть, построенная по инициативе и на средства французского правительства в качестве жеста благодарности солдатам-мусульманам, воевавшим на стороне Франции в Первой мировой, была призвана символизировать открытость Третьей Республики, содействуя укреплению лояльности мусульман. Однако попытка через соглашение с представителями элит прийти к контролю над всеми мусульманами страны успехом не увенчалась. В начале 1980-х гг. после продолжительной юридической борьбы за владение мечетью, развернувшейся между Алжиром (выступающим в союзе с Тунисом и Марокко) и французским правительством, она была передана под контроль Алжира.

Создание *Федерации исламских организаций* было проспонсировано Саудовской Аравией. В настоящий момент она объединяет около 150 преимущественно фундаменталистских организаций, а на организуемых ею ежегодных международных конференциях исламские богословы и ученые открыто проповедают превосходство законов шариата над светским законодательством.

Инициатором создания *Национальной федерация мусульман Франции (НФМФ)* и вовсе был этнический француз – Даниэль Юсуф-Леклерк – интеллектуал, ставший убежденным мусульманином под влиянием проповедей *Джамаат ат-таблиг*. До своего избрания на пост главы *НФМФ*, объединившей на федеративных началах часть исламских ассоциаций, он возглавлял ассоциацию *Тайibat (Благие вещи)*, получившую от *Лиги исламского мира* монопольное право на присвоение категории *халяль* производимым во Франции мясным продуктам, предназначенным к употреблению в мусульманских странах. Пятеро из руководителей *Федерации* являются французами по происхождению. В настоящее время в *Федерацию* входит до ста сорока мусульманских организаций. В апреле 1992 г. в Париже состоялся съезд *Федерации* под лозунгом «Мусульмане и ЕС». В работе съезда приняло участие 23 тыс. представителей от 190 исламских обществ Англии, Бельгии, Италии, Швейцарии, Германии, Голландии, Ирландии. Участники съезда отметили, что мусульмане Европы являются неотъемлемой частью Европейского Союза, и заявили о том, что терпимость и уважительное отношение к различным религиям помогут сохранению социального мира в Европе. Съезд потребовал возвращения покрывающих голову девушек во французские школы, призвал другие европейские государства признать исламскую религию.

Однако по причине отсутствия какой-либо единой структуры у мусульманских организаций Франции ни одна из них (в том числе и *НФМФ*) не имеет возможности говорить от имени всей общины, а значит, служить посредником между ней и государством. Это во многом объясняет неуспех адаптации мигрантов по французской модели, ориентированной на *групповую* адаптацию.

На современном этапе главной задачей государственной политики Франции в отношении *внутреннего* ислама является его интеграция в общественную и культурную жизнь страны на условиях, не противоречащих устоям республиканского строя. Но общий международный фон не благоприятствует ее успешному решению. По мнению Катрин де Ванден, специалиста по иммиграции и директора по научной работе Центра международных исследований (Париж): «Мусульмане ощущают себя обесщеченными, в первую очередь, в контексте войны в Персидском заливе. Негативные коннотации, закрепившиеся сегодня за исламом, воспринимаются ими как дополнительное унижение вдобавок к бедности и дискриминации, с которыми многие сталкиваются в повседневной жизни. Отдельные мусульманские страны активно играют на этом, используя факт оккупации Ирака как способ отвлечь внимание от того, насколько плохо обстоит дело с их собственной системой управления. Другой не менее важный фактор – это СМИ. Телевизионные каналы, подобные *Аль Джазире*, для которой характерны сильная мусульманская идентификация и преимущественная концентрация на конфликтах из серии иракского или палестино-израильского, обладают огромным влиянием на восприятие мусульман, что способствует поляризации мнений. Большая часть мусульман придерживается умеренных взглядов, но радикализация среди маргиналов присутствует, и именно она приковывает к себе внимание»¹⁴.

Великобритания

Вплоть до взрывов в Лондоне 7 июля 2005 г. одной из наиболее благонадежных считалась мусульманская община Великобритании. История присутствия мусульман на Британских островах насчитывает три столетия и самым тесным образом связана с деятельностью Ост-Индской компании. С середины XIX в., особенно после открытия в 1869 г. Суэцкого канала, мусульмане, в основном судовладельцы и торговцы из арабских стран (Йемен и Сомали) и Британской Индии, начали компактно селиться на побе-

режье – в Лондоне, Ливерпуле, Бристоле и Кардиффе. Тогда же в Англии появились первые мусульманские мистические и суфийские движения. Но усиленная мусульманская миграция в метрополию началась уже после Второй мировой войны: сначала из Индии, затем из отделившихся от нее Западного и Восточного (нынешний Бангладеш) Пакистана. В 1960-е гг. исламская иммиграция в Британию достигла своего пика и потребовала от правительства принятия трех актов об иммиграции, ограничивавших въезд в страну. В 1970–1980-е гг. численность выходцев с мусульманского Востока в Великобритании росла уже в основном за счет высокой рождаемости мигрантов первого поколения. На современном этапе в Бирмингеме, Манчестере, Ноттингеме, Ливерпуле, Кардиффе существуют целые мусульманские кварталы. В большинстве своем их жители работают мусорщиками, грузчиками, мелкими служащими и торговцами.

По данным специальной Комиссии по расовому равноправию, на протяжении 28 лет осуществлявшей мониторинг политики работодателей в отношении этнических меньшинств, за последние годы разрыв между оплатой их труда по сравнению с *коренными* британцами был значительно сокращен¹⁵. Однако дискриминация при найме на работу осталась на прежнем уровне. Для *белого* выпускника университета вероятность получения места в крупной английской компании в три раза выше, чем для представителя диаспоры. Британцы афро-карибского происхождения в четыре раза чаще своих *белых* сограждан той же квалификации не проходят собеседование при приеме на работу¹⁶. При этом закон предоставляет право обжаловать дискриминационное отношение к себе только тем, кто уже получил место. Для мигрантов-мусульман ситуация представляется даже более сложной. Показателен следующий случай. Вскоре после событий 1990–1991-х гг. в зоне Персидского залива одна британская компания в Шеффилде при наборе персонала объявила, что принимать мусульман на работу не будет. Начатый против этой компании судебный процесс по обвинению ее в нарушении закона 1968 г. о *равенстве рас* ничего не дал, поскольку мусульмане не являются особой расой¹⁷. Предложенные Комиссией по расовому равноправию меры – поощрение работодателей, ориентирующихся на многонациональный состав сотрудников, вкупе с квотированием рабочих мест по национальному признаку – неприемлемы для английского общества, отличающегося консерватизмом и жесткой стратификацией. Критики системы квот указывают на то, что она противоречит фундаментальным основам западного общества – *свободной конкуренции* – и приводит к появлению группового фильтра с обратным знаком.

Между тем, по данным последней британской переписи населения¹⁸, количество представителей этнических меньшинств, не достигших двадцатипятилетнего возраста, составляет 45%, в то время как аналогичный показатель среди *белого* населения не превышает 35%¹⁹. Можно предположить, что при сохранении существующих тенденций – сокращении *белого* населения трудоспособного возраста на фоне *омоложения* диаспор – работодатели будут вынуждены отказаться от этнических и конфессиональных предрассудков хотя бы по соображениям экономической целесообразности. Но более вероятным выглядит воспроизводство прежней системы скрытого неравенства на новом уровне по правилам «Скотного двора» Джорджа Оруэлла: все равны, но некоторые равнее прочих.

Пока же представители общин все более активно осваивают область малого и среднего бизнеса. По данным международных исследований, этническая экономика Великобритании – это около 250 тыс. фирм и 13 млрд долл. США в казну ежегодно²⁰. В начале 2006 г. наследник британской короны принц Чарльз подписал *меморандум о взаимопонимании* между Исламским банком развития (ИБР) и собственной благотворительной организацией *Международный молодежный бизнес*. На проходившей в Лондоне конференции по случаю тридцатилетия ИБР он выразил уверенность в том, что «при поддержке Исламского банка развития наши благотворительные организации смогут умножить усилия по разрешению проблем, с которыми мы сталкиваемся в городах Британии, и предоставить помощь молодым мусульманам, не располагающим достаточной поддержкой со стороны общества, для того чтобы на равных участвовать в жизни страны, содействуя укреплению солидарности и развитию совместной предпринимательс-

кой деятельности»²¹. Создавая фонды, подобные *Международному молодежному бизнесу*, деятельность которого не ограничивается одной лишь Великобританией, но распространяется на Марокко, Египет и Иорданию, власть стремится наладить каналы опосредованного влияния на представителей общин с тем, чтобы в дальнейшем более успешно контролировать их деятельность. Основная трудность при установлении диалога с мусульманскими общинами заключается в том, что умеренных мусульман Великобритании не отличает высокая степень организованности.

Между тем радикально настроенные адепты ислама не только объединяются вокруг ближайшей мечети и ее имама, но в той или иной мере поддерживают различные происламские общественные организации, в частности, *Исламский культурный центр*, ассоциацию *Мусульманская помощь* в Лондоне, объединение *Исламская помощь* в Бирмингеме. Возглавляет последнюю Гани Аль-Бани, отец которого был казнен за участие в покушении на президента Египта Гамалю Абделя Насера. По сообщениям СМИ, *Исламская помощь* контролируется и финансируется спецслужбами Великобритании и Саудовской Аравии, а Аль-Бани в сентябре 1997 г. нелегально выезжал в Чечню и встречался там с Асланом Масхадовым.

Еще более активно действуют по всем направлениям: *Федерация студенческих исламских обществ*, *Союз мусульманских организаций Соединенного Королевства и Европы*, *Исламский совет Европы*, *Союз исламской прессы*, *Организация молодых мусульман Соединенного Королевства* и, наконец, *Исламская миссия Соединенного Королевства*. Созданная в 1962 г. под сильным влиянием *Джамаат-и Ислами*, *Исламская миссия* ставит своей целью распространение ислама через налаживание дружеских отношений между мусульманами и немусульманами. Ее центры при крупных мечетях проводят активную политику прозелетизма среди молодежи, распространяя газету *Молодой мусульманин*.

Для координации действий всех вышперечисленных организаций в 1990 г. было создано *Исламское общество Великобритании*, имеющее свои отделения по всей стране. Около десятка мечетей Великобритании контролируются движением *Ахль-и Хадис*, поддерживающим тесные, в том числе финансовые связи с мусульманами Южной Африки. Позицию ливийской ассоциации *Исламский призыв* выражают относительно маловлиятельные, но все же постоянно действующие в стране отделения *Лиги исламского мира*. Уже упоминавшаяся *Джамаат-и Ислами* предпочитает действовать экономически и идеологически через *Исламский фонд*: в сфере просвещения – через *Мусульманский трест образования*, в сфере пропаганды ислама – через организацию *Даават-уль-Ислам*.

Наличие значительного числа хорошо организованных радикально настроенных мусульманских групп не может не оказывать влияния на внутреннюю политику Великобритании, в особенности в свете того, что сами мусульмане на рубеже 1980–1990-х гг. предприняли шаги сугубо политического характера. В июле 1989 г. с целью получения депутатских мандатов на парламентских выборах ими была создана *Исламская партия Британии* (ИПБ – *Islamic Party of Britain*). В 1990 и 1992 гг. усилия партии не увенчались успехом, однако позже они завоевали один мандат. К 2001 г. в английском парламенте было уже четыре мусульманина: три члена Палаты лордов и один – Палаты общин. По заявлению лорда-мусульманина Назира Ахмада, на февраль 2001 г. в местных парламентских структурах Великобритании работали 160 мусульман²². Тем не менее до тех пор, пока в основе системы парламентских выборов в Великобритании лежит мажоритарный принцип, мусульмане не будут иметь шансов на соответствующее их амбициям представительство в парламенте. Ни в одном из избирательных округов они не образуют большинства; к тому же их симпатии делятся примерно поровну между консерваторами и лейбористами, что дополнительно ослабляет их позиции. Также маловероятно, чтобы программный лозунг с официального сайта ИПБ – «К лучшему будущему с исламом» – привлек на сторону партии *коренных британцев*²³.

Несомненным достоинством британской концепции адаптации было и остается внимание к индивиду, умение отстраниться от его групповой принадлежности. Последовательно претворяя в жизнь традиционный принцип *разделяй и властвуй*, британцы демонстрацией внимания к индивиду отрывают его от группы, разрушая последнюю изнутри. В 1997 г. после прихода лейбористов к власти политика взаимоотношений с этническими меньшинствами строилась в духе концепции мультикультурализма. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр принимал участие в церемониях открытия мечетей, религиозных школ, буддистских храмов и т.д.

Однако в свете событий последних лет настроения в обществе и политических кругах изменились. Все больше людей высказываются против разделения страны по религиозному или этническому принципу. *Британство* как альтернатива центробежному этноцентризму представителей диаспор – новая концепция властей. Практическая ценность данной концепции может быть поставлена под сомнение в силу разногласий, существующих между самими *коренными* британцами – шотландцами, валлийцами, жителями Ольстера и англичанами.

Тем не менее не стоит сбрасывать со счетов уже неоднократно оправдывавший себя принцип – *против кого дружим?* Если до 7 июля 2005 г. террор на Британских островах ассоциировался с одной организацией – Ирландской республиканской армией (ИРА), то взрывы в лондонском метро и автобусе, ставшие продолжением терактов, совершенных радикальными исламистами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и 11 марта 2004 г. в Мадриде, заставили наиболее непримиримых *европейских террористов* официально сложить оружие. Курс на отказ от террористической деятельности был взят ИРА еще несколько лет тому назад, но взрывы 7 июля позволили лидерам организации сказать *прощай, оружие* открыто, не потеряв при этом лицо. 28 июля 2005 г. ИРА объявила о полном прекращении боевых действий против Великобритании и предложила властям использовать их опыт, оружие и знания в борьбе с исламской угрозой. С учетом того что многие из них проходили практику в подпольных ячейках *Аль-Каиды*, структуру и методы действия исламистов они представляют себе наилучшим образом. *A propos*, одновременно с разоружением ИРА в Великобритании в Испании власти приступили к переговорам с руководителями запрещенной в стране баскской партии *Батасуна*. Во Франции активизировался процесс мирного урегулирования с корсиканскими сепаратистами.

СТРАХИ ЕВРОПЫ: ОТ ПРОПАГАНДЫ ХИДЖАБОВ К ПРОПАГАНДЕ ТЕРРОРА

Европейцев одинаковостораживают как закрытость этнических анклавов мусульман, так и политическая активность представителей диаспор. Мусульманские общины Европы воспринимаются автохтонным населением как *троянский конь* исламского мира, дополнительный козырь в оказании политического давления на европейские государства.

Невозможность попасть в высшие эшелоны власти приводит активных мусульман второго и третьего поколения к формированию альтернативных объединений, в которых тесно переплетаются религиозная и политическая составляющие. Деятельность ассоциаций, подобных *Исламской миссии Соединенного Королевства*, *Исламскому Совету Европы* (Великобритания), *Союзу исламских организаций Европы* (Германия), *Федерации исламских организаций* (Франция), не ограничивается выполнением культурно-просветительских и гуманитарных функций. Хорошей иллюстрацией того, как декларируемая гражданским обществом Европы свобода слова может быть использована для пропаганды совершенно иных ценностей, служит деятельность *Европейской арабской лиги* (ЕАЛ) в Бельгии.

Организация требует превращения арабов в «равноценный всем остальным самостоятельный этнос»²⁴. Члены ЕАЛ выступают за арабский язык в качестве государственного, ислам в роли официальной религии, квоты для мусульман в учебных заведениях и государственных учреждениях, и главное, официальное прекращение политики интеграции

иммигрантов-мусульман в жизнь Европы. При этом лидер организации Абу Яя призывает своих сторонников к открытой политической конфронтации с официальными властями во имя демократических идеалов.

12 января 2004 г. ЕАЛ заявила, что запрет на ношение мусульманских платков в публичных школах Бельгии является нарушением права на свободу религии, которое гарантирует 18-я статья Всеобщей декларации прав человека. По утверждению ЕАЛ, платки-хиджабы не представляют собой религиозный символ, а лишь являются «частью религиозной практики».

В ответ на публикацию карикатур на пророка Мухаммеда датским изданием *Ютланд-Постен (Jyllands Posten)* ЕАЛ вывесила на своем сайте карикатуры антисемитского толка. Одна из картинок изображала Анну Франк, лежащую в постели с Адольфом Гитлером. Другой рисунок ставил под вопрос факт Холокоста: были изображены двое людей, один ворошит кучу костей и говорит: «Сомневаюсь, что это евреи»; на что второй отвечает: «Нужно как-то получить цифру шесть миллионов»²⁵. В пояснении говорилось, что карикатуры опубликованы с учетом свободы слова в Европе. Этим же ранее объяснялось размещение в газетах карикатур на пророка Мухаммеда. Остается отметить, что вскоре после ответного демарша представителей ЕАЛ сайт организации стал недоступен.

На пресс-конференции, собранной после того, как в СМИ появились выдержки из исследования Марион Ван Сан, рассматривавшей связь между преступностью и этническими происхождением, Абу Яя потребовал отставки министра юстиции Бельгии Марка Фервилгена, по инициативе которого была начата данная работа. Он также предложил фламандским политикам «не рассматривать все через призму таких ошибок природы, как Фламандский Блок». «Хватит занудства об интеграции, – заявил г-н Яя, – давайте рассуждать и мыслить в терминах гражданской позиции: мы требуем обращения как с равными, уважения и практического соблюдения нашего права на труд, на образование и на крышу над головой, непредвзятого применения ко всем одним и тех же законов, не считаясь с расой, религией или культурой. Если мы не будем соблюдать эти права, то бомба замедленного действия в виде 16–17-летних мигрантов, которые не получают никаких дипломов, никакой работы и не имеют никакого будущего, с которыми не обращаются как с равноправными людьми, в один день непременно взорвется»²⁶.

Пример ЕАЛ, активно вербующей сторонников, в том числе и в молодежной среде Бельгии, говорит нам об опасности развития ситуации по сценарию, предусматривающему временное объединение арабской и европейской молодежи на почве одинаково сильного желания заявить о себе и сломать геронтократическую структуру современной Европы. При том, что стратегические интересы двух данных групп различны, глубокий антагонизм по отношению к системе и правящей верхушке может заставить их воспользоваться одними и теми же методами для реализации своих сугубо тактических целей. По мнению Эммануэля Тодда, ученого, предсказавшего развал Советского Союза задолго до событий августа 1991 г., подобное временное объединение различных в силу исторических и культурных причин, но сходных по социально-экономическим параметрам сил мы и наблюдали во время французских *бунтов на окраинах* 2005 г. «Я считаю достаточно глупым со стороны Николя Саркози настаивать на иностранном происхождении молодых людей, вовлеченных в конфликт, – заметил г-н Тодд в одном из своих интервью. – Я убежден в обратном: это типично французский феномен. Расово смешанные группы молодых людей из Seine Saint-Denis действуют в соответствии с типично французской традицией неожиданного социального взлета. Акты насилия с их стороны свидетельствуют о дезинтеграции африканских семей, обусловленной контактами с французскими ценностями равенства, в частности равенства для женщин. Несмотря на неизбежные проблемы на старте, второе и третье поколение иммигрантов относительно хорошо интегрируются в среду народных масс Франции, а некоторые даже присоединяются к среднему или высшему классу»²⁷.

Однако пока факты опровергают оптимистичные выводы г-на Тодда об успешности интеграции второго и третьего поколения мусульман. Большинство участников террористических атак 11 сентября 2001 г. – эмигранты из арабских стран, прожившие немало лет в Европе. Подлинным шоком для жителей Германии стал тот факт, что следы террористов, совершивших самоубийственное нападение на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне, вели в Гамбург, Франкфурт и другие немецкие города. Большинство обвиняемых в совершении террористических актов 11 марта 2004 г. в Мадриде – молодые мусульмане, принадлежащие далеко не к первому поколению иммигрантов. Теракты, совершенные 7 июля 2005 г. в Лондоне, также были осуществлены молодыми мусульманами, родившимися в Великобритании и являющимися британскими подданными.

До недавнего времени в Лондоне беспрепятственно функционировал британский филиал организации Усамы бен Ладена, а сам ее лидер, прикрываясь суданским паспортом, не раз навещался в британскую столицу и принимал участие в подготовке терактов на территории Египта. При этом британская разведка Ми-5 дважды предотвращала объединение находящихся в подполье сторонников бен Ладена с другими официально действующими исламскими организациями, такими как *Верховный совет исламской революции* в Ираке, *Алжирская исламская священная партия*, а также запрещенными группировками типа ХАМАС²⁸. С бен Ладеном был связан Абу Хамза аль-Масри, то есть скрывавшийся под этим именем 43-летний уроженец Александрии Мустафа Камель, получивший британское подданство, женившись на англичанке. Связанный одновременно с афганскими моджахедами и группировкой *Аль-джихад аль-исламий*, Абу Хамза вернулся в 1994 г. в Лондон (избегав выдачи правительству Египта) из Афганистана через Пакистан и стал издавать бюллетень *Аль-Ансар* от имени алжирской террористической *Вооруженной исламской группировки (ВИГ)*. Проповедуя в одной из мечетей Лондона, он всячески оправдывал массовые расправы *ВИГ* над мирным населением. Тогда же он создал на деньги бен Ладена организацию *Ансар Ашшариа* (Приверженцы шариата) и стал поддерживать исламо-экстремистскую *Армию Адена* в Йемене, куда он отправил своего сына и нескольких арабов – граждан Великобритании и Франции. Когда они были арестованы, Абу Хамза организовал ряд взрывов, от которых погибло 6 йеменцев. Самопровозглашенный *главный английский муфтий* Абу Хамза после начала военных действий в Чечне объявил России джихад и открыто заявил, что готовит добровольцев к отправке в Чечню, Иран, Пакистан и Афганистан. В сентябре 1999 г., выступая в мечети, он оправдал взрывы в Москве – но только 6 лет спустя британцы окончательно осознали последствия политики *двойных стандартов*.

Еще в 1998 г. в результате инспекции, проведенной датским Министерством образования, было выявлено пять мусульманских школ, замешанных в перекачивании государственных образовательных субсидий на счета *Ассоциации исламских благотворительных проектов (The Association of Islamic Charitable Projects – A.I.C.P)* в Ливане. В 2001 г. британский специалист по борьбе с терроризмом Рохан Гунарата и его датский коллега Ларс Эрслев Андерсен открыто заявили, что в Дании есть как отдельные личности, так и организации, оказывающие денежную и иную поддержку международным террористам²⁹. Несмотря на то, что впоследствии эти сведения подтвердились, российские публикации на эту тему власти Дании расценили как намеренный информационный выброс, спровоцированный отказом выдать Ахмеда Закаева³⁰.

В 2005 г. по подозрению в подготовке терактов был арестован один из деятелей голландского отделения ЕАЛ – Самир Аззуз (*Samir Azzouz*)³¹. Впервые власти сделали попытку привлечь Аззуза к ответственности в 2004 г., обнаружив в его доме планы нидерландского парламента, амстердамского международного аэропорта «Схипхол» (*Schiphol*), атомной электростанции «Борсселе» (*Borssele*), а также здания нидерландской Общей службы разведки и безопасности с пометками, касающимися охраны этих объектов и возможных путей отхода. При обыске также были найдены: оружие, химикаты, используемые для приготовления взрывчатки, печатные материалы экстремистского содержания, инструкции по совершению терактов и съемке убийств на видео. Однако суд, сочтя предоставленные доказательства недостаточными, вынес оправдательный

приговор Аззузу. Вторая попытка ареста оказалась более успешной. В октябре 2006 г. у обвинения появился свидетель, готовый подтвердить связь Аззуза с террористической группой «Хофстад» (*Hofstad*), девять членов которой в марте 2006 г. были приговорены к лишению свободы сроком до 15 лет за принадлежность к террористической организации. Им стал 28-летний житель Гааги Л.Б., имя которого не разглашается по понятным причинам. Долгое время он входил в круг близких к главному обвиняемому лиц. Л.Б. рассказал, что регулярно ездил с обвиняемыми в Брюссель, где на его имя была снята квартира. По его словам, члены группы хотели вербовать там мусульман для участия в джихаде. Как заявляет Л.Б., группа Аззуза активно приобретала оружие и собиралась изготовить *пояса шахидов*, доставив необходимые для этого материалы из Германии.

По данным Федерального ведомства по охране конституции, в Германии число активистов исламистских организаций составляет около 30 тыс. человек, то есть менее 1% общего числа немецких мусульман. По оценкам других немецких аналитиков, в ФРГ, где проживает порядка двух миллионов турецких мусульман, более секуляризованных, чем арабы, число готовых к насилию радикалов, тем не менее, достигает трех тысяч человек. В июне 2000 г. немецкая разведка БНД обратила внимание руководства страны на наличие филиалов международных террористических групп в ряде городов ФРГ. Подпольная штаб-квартира исламистов находилась во Франкфурте-на-Майне, одно из конспиративных отделений располагалось в Берлине. К концу 2000 г. они планировали взрыв в Страсбурге (вероятнее всего – здания Европейского парламента). В декабре немецкие спецслужбы обезвредили склад с взрывчаткой и арестовали группу террористов. А в мае 2001 г. г-н Эрнст Урлау, координатор деятельности спецслужб в правительстве Герхарда Шредера, заявил, что Германия имеет дело с терроризмом на религиозной основе.

В свою очередь, французские спецслужбы вывели формулу определения численности радикалов в той или иной мусульманской общине. Согласно ей, практически в любой исламской общности носителей экстремистской идеологии насчитывается до пяти процентов. Из их числа примерно три процента готовы к участию в терактах. Это означает, что во Франции проживают примерно 300 тыс. экстремистов и порядка 9 тыс. потенциальных террористов³².

У исламского терроризма существует и другая сторона – это связь с наркомафией и незаконной миграцией. По данным БНД, ежегодная нелегальная иммиграция в ЕС составляет от 200 до 300 тыс. человек, из которых примерно 50 тыс. иммигрантов-мусульман вовлечены в незаконную транспортировку наркотиков³³.

РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ ИСЛАМИЗМА – ОСОЗНАНИЕ ЗАДАЧ

В конце 1990-х гг. усилиями Центрального разведывательного управления США, израильской внешней разведки Моссад, германской, британской, французской и итальянской спецслужб были обезврежены террористические группы в Албании (1998, 1999 гг.), Великобритании (1998 г.), Германии (1998, 2000, 2001 гг.), Франции (1999 г.), Турции (1999 г.), Италии (2001 г.) и Испании (2001 г.). Однако актуальность проблемы противодействия исламскому экстремизму возрастает с каждым годом, а говорить о выработке единого комплекса совместных мер пока не представляется возможным.

Многочисленные исследования подтвердили, что носителями идей джихада и радикального ислама выступают преимущественно европейские мусульмане, то есть получившие образование, выросшие или даже родившиеся в странах ЕС. Этим феноменом особенно активно занимаются американские политологи (и спецслужбы), озабоченные безопасностью не столько Европы, сколько Америки. Так, согласно данным Центра Никсона, проводившего наблюдение за *моджахедами* в ЕС и США, из 400 обследованных исламистов большинство составляют французские граждане, которых было даже больше, чем саудовцев; число исламистов с британскими паспортами превысило количест-

во граждан других проблемных стран – Судана, Йемена, ОАЭ, Ливана и Ливии вместе взятых. Четверть джихадистов являлись гражданами европейских стран, то есть имели право безвизового въезда в США. Именно последний факт заставляет тревожиться американцев, считающих, что европейцы слишком легкомысленно относятся к существованию неконтролируемых и закрытых мусульманских общин, наделяя их в то же время правами, социальными пособиями и гражданством, то есть проводя политику мультикультурализма³⁴.

ПОЧЕМУ ВОЛКИ НЕ СОБАКИ?

Тот факт, что в Европе сложились столь благоприятные условия для свободной деятельности радикальных исламистов и просто откровенных террористов, во многом объясняется либеральным отношением западных властей. В страхе перед *красной угрозой* Запад десятилетиями взращивал исламистов с тем, чтобы в дальнейшем использовать их против СССР, готовил албанских боевиков против Белграда.

Другой причиной является влияние политических событий в тех странах, из которых прибыли мусульманские эмигранты. Вспышкам исламизма в Европе способствовали военные перевороты (Турция, Алжир), запреты исламистских партий (Египет), обострение ситуации на Ближнем Востоке и т.д.

Немаловажное значение имела целенаправленная деятельность самих исламских организаций, которые в 1980–1990-е гг. стремились сделать религию и религиозно ориентированное восприятие мира привлекательным для мусульманской молодежи в Европе.

Сыграла свою роль и политика *двойных стандартов*. Ряд государств поддерживали или поощряли в своих узко политических целях террористическую деятельность. В разное время к ним относились США со своей слепой поддержкой Израиля; Саудовская Аравия в отношении исламистов; Англия, помогавшая ультрапротестантам в Ольстере; Франция, манипулировавшая баскскими националистами, Пакистан с его поддержкой талибов, кашмирских, сикхских и мусульманских сепаратистов; Индия с ее тамилами и т.д.

Противодействие *недемократичному* режиму Милошевича вылилось в бомбардировки мирных городов и попустительство разнузданным этническим чисткам сербского населения уже со стороны косовских сепаратистов албанцев-мусульман. Почти десять лет назад *Newsweek* с грустью констатировал, что США, Израиль, Великобритания, Франция, Саудовская Аравия, Кувейт имеют долгую историю непростых отношений с исламскими группами, рассматриваемыми как *террористические* на современном этапе, и «западные народы ничего не имели против экстремизма, покуда он действовал в правильном направлении»³⁵.

ОЖИДАЕМЫЕ КОНФЛИКТЫ – КАТАЛИЗАТОРЫ ЦЕПНОЙ РЕАКЦИИ

Отсутствие активного диалога сторон и провал попыток интеграции мусульман обуславливают взрывоопасность сложившейся ситуации. Налицо несовпадение декларируемых ценностей и реальной стратегии поведения населения принимающей стороны. По данным социологических опросов, 75% европейцев приветствуют становление мультикультурного сообщества и 86% выступают против любой дискриминации по расовому, культурному или религиозному принципам. При этом треть европейцев признают наличие у себя определенных расовых предрассудков, а подавляющее большинство рассматривает *приезжих* как *паразитов* на теле социального государства и потенциальный источник нестабильности. 63% убеждены в том, что наличие меньшинств увеличивает безработицу. Но те же 63% полагают, что представители меньшинств соглашаются на те виды работ, которые отвергают все остальные. Согласно *Transatlantic Trends Report* за 2005 г., 51% европейцев утверждают, что лично столкнулись с негативными последствиями присутствия иммигрантов и беженцев³⁶.

Очевидно, что в ближайшие годы напряженность в связи с существованием в культурном пространстве Европы столь мощного инородного течения, как ислам, только усилится. Все большая часть мигрантов-мусульман будет отстаивать легитимность своего присутствия на континенте именно в качестве носителей исламской традиции. Ускорится формирование мигрантского социально-религиозного субстрата как самостоятельного субъекта политики. Приоритетной задачей исламских активистов станет укрепление связи с мусульманским зарубежьем, в том числе с мусульманскими радикальными движениями. Международные исламские организации, рассматривающие мигрантский мусульманский социум в качестве потенциального инструмента влияния на политику европейских стран, продолжат оказывать финансовую и социальную помощь наиболее перспективным в данном контексте представителям общин. С возрастанием понимания важности глобальных коммуникаций как фактора, содействующего укреплению ощущения принадлежности к единой исламской общности у приверженцев данной религии, количество бесплатных интернет-кафе, уже открываемых для прихожан европейских мечетей, заметно увеличится. Появится все больше оснований говорить о *дистанционном исламе* мусульманской диаспоры.

Присоединение Турции к Европейскому Союзу откроет шлагбаум для новой волны мусульманской миграции в Германию, что ляжет тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков страны, обеспечивающей львиную долю поступлений в бюджет Евросоюза. С учетом того что концепция *четырёх общих пространств ЕС*, помимо экономического, включает в себя такие критерии, как внешняя безопасность, правосудие и образование, с вступлением в ЕС мусульманской страны неизбежно встанет проблема **принципиального** расхождения образовательных программ. Роль школы как важнейшего института социализации очевидна, как и то, что Турция не согласится на социализацию *по-европейски*. В особенности принимая во внимание отсутствие конкурентоспособной по отношению к национальным программам общеевропейского воспитания. Как отметил пресс-секретарь Еврокомиссии Фредерик Вэнсан: «В Европе нет механизма мониторинга детских и школьных образовательных программ, нет и единых норм в отношении преподавания религий»³⁷.

Жители Европы острее почувствуют свою связь с мусульманскими регионами Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Усилится раздражение в отношении исламского радикализма Афганистана и Центральной Азии, с которым Европа столкнулась, ввязавшись в возглавляемую США антитеррористическую операцию *Несгибаемая свобода*. В качестве обязательного условия приобщения Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Азербайджана к Европе будет выдвинуто требование большей ответственности правящих кругов бывших советских республик за активность исламистов на подвластных им территориях³⁸.

Более явной станет уже обозначившаяся и общая для Западной Европы тенденция: возрастание популярности правых партий, призывающих к защите традиционных ценностей и противостоянию чужакам-мигрантам. Не случайно в Нидерландах *величайшим голландцем всех времен и народов* был признан Пим Фортейн, политик противоречивой репутации и ярый сторонник ограничения иммиграции и аккультурации представителей других стран в голландское общество. По результатам опроса он опередил *отца независимости Нидерландов* принца Вильгельма Оранского (XVII в.), а также выдающихся художников Рембрандта и Винсента ван Гога. Страх перед *исламской угрозой* оказался настолько велик, что в 2005 г. более пяти процентов евреев Антверпена проголосовали на выборах в парламент за расистскую ультраправую партию *Фламандский блок*, создатели которой сотрудничали с нацистами во время Второй мировой войны. Поводом стало обещание руководителей *Фламандского блока* бороться против наплыва арабов в Бельгию.

Вопрос отношения к проблемам иммиграции явился одним из главных на последних президентских выборах во Франции. Бывший министр внутренних дел (2005–2007, 2002–2004), правоцентрист Николя Саркози завоевал 53% голосов избирателей, оставив позади кандидатку от Социалистической партии Сеголен Руаяль, получившую 47%

голосов. При этом Саркози поддержало значительное большинство избирателей в возрасте 50 лет и старше, а также 63% пенсионеров. Он набрал 82% голосов среди городских рабочих и ремесленников, владельцев магазинов и бизнес-элиты. Социалистов традиционно поддержала молодежь: за Руаяль проголосовали 60% избирателей в возрасте между 18 и 24 годами и 51% – в возрасте между 35 и 49 годами³⁹. Окончательно точки над *i* расставили парламентские выборы, на которых правые партии, в частности, бывшая партия Саркози – *Союз за народное движение*, получили 314 из 577 мест. Подобные результаты можно смело расценивать как мандат на законодательные изменения, предоставленный новому президенту населением Франции. После победы Николя Саркози на президентских выборах во Франции и предшествовавшего тому избрания Ангелы Меркель канцлером Германии в 2005 г. ряд экспертов выразили уверенность в том, что *франко-германская ось*, лежащая в основе Евросоюза, проявит больше заинтересованности в осуществлении совместных с США проектов, в том числе и в области противодействия исламскому экстремизму.

На фоне происходящих изменений обострится внутриобщинный конфликт между сторонниками *евроислама* и охранительной политики: умеренные группы продолжат следовать курсу аккультурации, постепенного вхождения в принимающую среду при сохранении базовых ценностей ислама; молодые радикалы будут отстаивать свое право полного соблюдения религиозных поведенческих нормативов, использование религии как политического инструмента и возможности пропаганды ислама.

Пытаясь пусть формально, но вписать в *свой* круг мусульманские государства, европейцы должны осознать, что речь идет о странах, в которых «ни государственность, ни оформление механизмов и, тем самым, вся трансформация систем не могут обойтись без учета фактора ислама»⁴⁰. Кроме западной цивилизации, которая посредством секуляризации оторвалась от христианской Западной Европы эпохи средневековья, все остальные мировые цивилизации определяются через религию. И ренессанс хантингтоновской концепции *столкновения цивилизаций* спровоцирован увеличением количества конфликтов, вытекающих из политизации религии.

В контексте неизбежности мусульманского присутствия в Европе, близости границ с мусульманским миром и неясных перспектив борьбы с международным терроризмом важнейшей задачей, стоящей сегодня перед ЕС, является переосмысление *внутреннего* ислама в направлении восприятия его как потенциального партнера, в том числе по поддержанию стабильности на континенте. Требуется выработать единую концепцию взаимодействия с мусульманскими общинами, так как на современном этапе каждое государство в рамках ЕС действует, исходя из собственных национальных интересов, по не согласованному с другими плану. Получившиеся *ножницы* не оказывают благотворного влияния на происходящее, дополнительно ослабляя позиции *коренных* европейцев. Социальное государство в Европе возможно, пока существует достаточно молодых и работающих налогоплательщиков, отчисляющих значительные суммы в государственную казну. С этой точки зрения миграцию, как и высокую рождаемость в мусульманских общинах, можно только приветствовать. Однако для того чтобы молодые мусульмане работали на поддержание социально-экономической системы Западной Европы, необходима смена политического курса: переход к политике интеграции, подразумевающей соответствие экономического, культурного и политического уровней процесса встраивания индивида в среду принимающего сообщества.

Прогнозирование хода дальнейшей социальной эволюции Европы с необходимостью требует анализа мусульманской составляющей, в первую очередь, с учетом внешнеполитического контекста. Но пока мы не можем исключить повторения серьезных столкновений на религиозной почве в отдельных европейских странах, столкновений, интенсивность которых будет определяться существующим внешнеполитическим фоном, ходом борьбы Запада за нефтяные и прочие ресурсы Востока, уровнем консолидации мусульманского мира. 🐾

Примечания

- ¹ Автор выражает благодарность Г.М. Евстафьеву и И.С. Семененко за помощь, оказанную в работе над статьей.
- ² Гастарбайтеры привлекались в западноевропейские страны преимущественно на основе двусторонних межгосударственных соглашений и только на временную работу в определенной отрасли. По окончании контракта они были обязаны вернуться на родину.
- ³ Цит. по: Денисенко Михаил. Изменения в иммиграционной политике развитых стран. *Отечественные Записки*. 2004. №4. <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=915> (последнее посещение – 2 октября 2007 г.).
- ⁴ Составлено автором по: Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. EPC Working Paper. 2006, March. № 23. P. 52.
- ⁵ В теории социологии U-образная кривая адаптации обозначает следующий маршрут адаптации в новой культуре – оптимизм, враждебность (культурный шок), выздоровление (преодоление враждебности), завершенная адаптация.
- ⁶ Умма – арабское слово, означающее «сообщество» или «нация». В исламе слово «умма» обозначает сообщество верующих (уммат аль-му'минин), то есть весь исламский мир. Фраза «умма вахида» («одно сообщество») в Коране обозначает объединенный арабский мир. С другой стороны, в арабском языке слово «умма» также может использоваться в западном значении нации, например аль-умам аль-муттахида («объединенные нации»).
- ⁷ Цит. по: Британская оппозиция вступилась за мусульман. 2007, 28 января. http://www.mignews.com/news/politic/world/280107_135033_74873.html (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ⁸ 'Clash of civilizations': Who's to blame? *The International Herald Tribune*. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, Abeer Allam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebneem Arsu in Turkey.
- ⁹ Мусульмане Бельгии: взгляд изнутри. 2006, 29 августа. <http://www.islamnews.ru/news-print-6126.html>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ¹⁰ Бельгия – рекордсмен Европы по числу принявших ислам. *Мусульманский Узбекистан*. 2006, 2 марта. <http://muslimuzbekistan.net/ru/islam/maqola/article.php?ID=2976> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ¹¹ Цит. по: Козенко Андрей. Полумесяц над Европой. Веротерпимость как вызов экстремизму. *Российская Газета*. 2006, 1 марта.
- ¹² Ее масштабы больше беспокоили не Париж, а алжирские власти, создавшие специальный орган – ONAMO (Office National de Main d'Oeuvre), контролировавший выезд граждан во Францию.
- ¹³ Руа Оливье. Для Франции ислам не представляет какой-то особой проблемы... Перевод: Е. Клокова. *Иностранная литература*. 2006. №9.
- ¹⁴ 'Clash of civilizations': Who's to blame? *The International Herald Tribune*. 2006, June 22. Interviews conducted for the IHT by John Morrison in Britain, Abeer Allam in Egypt, Katrin Bennhold and Avis Bohlen in France, Judy Dempsey in Germany, Anand Giridharadas in India, Peter Gelling in Indonesia, Mona El-Naggar in Jordan, Senan Murray in Nigeria, Salman Masood in Pakistan, Sophia Kishkovsky in Russia, Renwick McLean in Spain, and Sebneem Arsu in Turkey.
- ¹⁵ Race discrimination. (Britain's ethnic minorities are paid as much as whites—when they can find jobs). *The Economist* (US). 2004, May 15.
- ¹⁶ Commission for Racial Equality 2004. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.
- ¹⁷ Мусульмане на Западе. Сб. статей. Отв. ред. Р.Г. Ланда. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М.: 2002.
- ¹⁸ Последняя перепись населения прошла в Великобритании 29 апреля 2001 г.
- ¹⁹ Population Trends 105, London: Office of National Statistics, Autumn 2005. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.

- ²⁰ Speech by Nigel Griffiths, Small Firms Minister in November 2002. Цит. по: The Changing Face of Britain. Ethnic minorities in the UK. Stats Pocket Handbook. 2004, September 27.
- ²¹ A speech by HRH The Prince of Wales at the Islamic Development Bank Conference, Landmark Hotel, Marylebone Road, London, 26 January 2006. Stats Pocket Handbook.
- ²² Тульский Михаил. Ислам в неисламском мире. *Независимая Газета*. 2001, 29 сентября.
- ²³ Официальный сайт Исламской партии Британии. <http://www.islamicparty.com>.
- ²⁴ Vision of the AEL. Arab-European League. <http://www.arabeuropean.org/vision.php>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁵ Центральный еврейский ресурс sem40.ru 2006, 5 февраля. <http://www.sem40.ru/lenta/news-dir/144768.html?print=1> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁶ Бельгия – самая расистская страна Европы. Текст пресс-конференции Европейской арабской лиги по поводу исследования Ван Сан. 2003. Независимый политический еженедельник. *Левт.ру/Левая Россия*. <http://left.ru/2003/10/text86.html> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁷ Jerome a Paris. Emmanuel Todd interview on the 'French riots' (full translation), 2005, 13 November. <http://www.dailykos.com/story/2005/11/13/143727/53>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ²⁸ Добаев Игорь. Исламисты взрывают Европу изнутри. *Новая Политика*. 2005, 19 декабря.
- ²⁹ Джанян Сергей. Датский след бен Ладена. *Московские Новости*. 2001. ДАТА <http://www.mn.ru/print.php?2001-39-45> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³⁰ Более подробно о разгоревшемся скандале см.: Джанян Сергей. Дания признала, что на ее территории базируются террористы. *МН-СОБЫТИЯ*. 2003. № 48.
- ³¹ Поссакухин Андрей. Радикальные исламисты из группа Аззуза готовили теракты в Нидерландах. *РИА «Новости»*. 2006, 21 октября. http://www.rian.ru/defense_safety/terror/20061021/55003832.html (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³² Добаев Игорь. Терроризм в странах Западной Европы и на юге России: компаративистский анализ. Институт религии и политики. <http://www.i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-3251.html>. (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³³ Хасанов Марат. Бродит по Европе призрак исламизма. *Континент*. 2002, №6(68), 20 марта – 2 апреля, <http://www.continent.kz/2002/06/14.html> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³⁴ Лейкен Роберт. Разгневанные мусульмане Европы. *Россия в Глобальной Политике*. 2005, № 6. С. 91.
- ³⁵ Building an Enemy – America, Israel and Arab States Created the Islamic Militants They now Fear. *Newsweek*. 1993. February 15. P. 11.
- ³⁶ Dittrich M. Muslims in Europe: addressing the challenges of radicalization. *EPC Working Paper*. 2006, March, № 23. P. 17.
- ³⁷ Введенская Анна. Джихад Д'Артаньяна. *Независимая Газета*. 2006, 5 сентября.
- ³⁸ Малашенко Алексей. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. №7, 2002. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/workpapers/wp0702.pdf> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ³⁹ Pfaff William. In Sarkolend. *The International Herald Tribune*. 2007, April 13. <http://www.nybooks.com/articles/20254> (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).
- ⁴⁰ Зайферт Арне К. Фактор ислама и стратегия стабилизации ОБСЕ в евроазиатском регионе. Центр стратегических и политических исследований, 2002. С. 25. http://www.core-hamburg.de/documents/37_WP4_russian.pdf (последнее посещение – 22 октября 2007 г.).